

Труд, не имеющий аналогов

АНДРЕЙ
СМИРНОВ

Людские потери России и СССР в войнах XX–XXI вв.

Борис Соколов

М.: Новый Хронограф, 2022. – 768 с.

Только что вышедшая книга историка Бориса Соколова «Людские потери России и СССР в войнах XX–XXI вв.» – итог третьвековой работы исследователя. Первые результаты были получены еще в 1988 году¹; с тех пор постоянно уточнялись, подкреплялись, дополнялись другими в новых статьях и монографиях², и вот – итоги на 2022-й.

Проблематика книги шире того, что заявлено в названии. Она содержит информацию о потерях и других государствах, которые (или не имевшие еще своей государственности жители которых) участвовали в тех же войнах, что и Россия/СССР, – от русско-китайской войны 1900–1901 годов до военных действий в Донбассе и Сирии в 2014–2021 годах включительно. Масштаб проделанной автором работы просто поражает. К примеру, в разделе о Первой мировой войне он приводит потери не то что Португалии, но даже Ньюфаундленда! (Кто,

Андрей Смирнов (р. 1965) – военный историк, специалист по истории русской и советской армии и флота.

- 1 Соколов Б.В. *О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны* // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 116–126.
- 2 Он же. *Цена победы* // Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; Он же. *Цена войны. Людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг.* // Он же. *Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей)*. СПб., 1998; Он же. *Людские потери России и СССР в войнах, вооруженных конфликтах и иных демографических катастрофах XX в.* // Он же. *Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей)*; Он же. *Кто воевал числом, а кто – умением. Чудовищная правда о потерях СССР во Второй мировой*. М., 2011; Он же. *СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века*. М., 2013; Он же. *Цена войны. Людские потери России // СССР в XX–XXI вв.* М., 2017.

НОВЫЕ
КНИГИ

271

кроме узких специалистов, помнит сейчас, что уроженцы португальских субтропиков дрались в 1917–1918 годах с немцами близ туманного и дождливого побережья Северного моря, «в болотной Фландрии воде», а Ньюфаундленд лишь в 1934-м перестал быть самостоятельным доминионом Великобритании и только в 1949-м стал частью Канады?) А среди участниц Второй мировой от внимания Соколова не ускользнула даже нынешняя Республика Науру – микроскопический остров в Тихом океане, находившийся к началу войны под совместным управлением Англии, Австралии и Новой Зеландии, а в 1942–1945 годах – под японской оккупацией...

Но перейдем к главному. Установление величины чьих-либо военных потерь – это одна из тех проблем, что особенно ярко высвечивают значение «двух китов», на которых основывается работа историка: (1) источниковой базы и (2) методологии исследования. В самом деле, пусть даже мы нашли в учреждении с сакральным для обывателя названием «Архив» бумажку за подписью официального лица, где приведены данные о потерях армии государства X в войне N. Просто переписать ее историк не может – потому что данные эти *заведомо не точны!* Будь под бумажкой хоть десяток подписей и печатей, будь то хоть четырежды архив.

Ведь как эти данные получены? Путем суммирования чьих-то донесений, которые в свою очередь основаны на суммировании донесений нижестоящей инстанции, которые в свою очередь... – и так далее. И на каждом этапе неизбежны ошибки – и отнюдь не только арифметические. Ведь бумажки составляют живые люди, у которых свои специфические интересы и которые о проблемах будущих историков думают меньше всего.

Сколько случаев, когда командир роты занижает, докладывая в батальон, свои потери (чтобы получить продукты и «наркомовские» на большее число людей), или, наоборот, завывает (чтобы роте не ставили сложных задач). Сколько случаев, когда по донесениям штабов полков получается одна цифра потерь дивизии за день, а по отправленному «наверх», в штаб армии, донесению штаба дивизии – другая, меньшая. Становящаяся еще меньше в донесении штаба армии в штаб фронта.

А элементарная небрежность, халатность? На персональном учете (Ф.И.О., год рождения, адрес, кем призван), констатировал в апреле 1942-го заместитель наркома обороны СССР Ефим Щаденко, состоит едва ли треть действительно погибших (с. 153).

А накладки, вызванные отсутствием стандартного подхода к учету потерь? По данным, условно говоря, Главсанупра, раненых столько-то, а по донесениям частей – заметно больше. Потому что части посчитали и таких легко раненных, которые остались в строю (не побывав даже в медсанбате), а Главсан-

упр – только тех раненых, что были зарегистрированы в полевых и тыловых госпиталях.

А что значит «пропавшие без вести»? Часть их погибла, часть попала в плен, часть дезертировала – но, что с кем стало конкретно, не всегда становится ясно даже и после войны.

Это что касается *достоверности источников*. А есть еще и проблема их *сохранности*. Например, такие важнейшие источники по потерям Красной армии в Великую Отечественную, как учетные документы райвоенкоматов, пропали дважды. Сначала после того, как в 1950-м их данные переслали в нынешний Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО СССР, ныне ЦАМО РФ) – из которого они исчезли неведомо куда. А потом в 1965–1967 годах – после того, как на основе учетных документов составили карточки на каждого погибшего, выслали их опять-таки в Москву, а сами документы (согласно директиве «сверху») уничтожили.

В общем, получение цифры потерь любой армии в любую войну с точностью до одного человека – задача заведомо нереализуемая. Дай Бог, чтобы погрешность составляла плюс-минус десяток тысяч, а в случаях с обеими мировыми войнами – плюс-минус сотню тысяч или даже миллион. Что же прикажете делать историку?

В целом ряде случаев – делать нечего. Надо просто привести те – зачастую заметно разнящиеся друг от друга – цифры потерь, что указаны в официальных изданиях соответствующих государств. За каждой такой цифрой – труд десятков людей, обрабатывавших в течение нескольких лет десятки тысяч первичных источников. Прodelать ту же работу еще раз у историка нет физической возможности.

И, приводя информацию о потерях других стран – участниц тех же, что и Россия/СССР, войн и конфликтов, – Соколов так и поступает. Но приводимые им данные (пусть даже разнящиеся друг от друга) на сегодняшний день являются – подчеркнем это – *наиболее полной сводкой соответствующей информации*. Так, потери русской, германской и австро-венгерской армий на Русском фронте Первой мировой войны в 1914–1917 годах приведены по данным детально исследовавшего этот вопрос лучшего на сегодняшний день специалиста по Русскому фронту Сергея Нелиповича.

Но Соколов идет и дальше. При малейшей возможности он деятельно (и вполне *методологически правильно*) подвергает официальные цифры «перекрестному допросу» – дабы определить, какая же из них ближе к истине. Особенно большой труд проделан им для уточнения потерь сторон в гражданской войне. Правда, как раз здесь выводы автора достаточно шатки – но иными и быть не могут по объективным причинам.

При той неналаженности учета потерь, что отличала армии гражданской войны (за исключением воевавшей с красными в 1919–1920 годах относительно благоустроенной армии относительно благоустроенного государства – Войска Польского), любые сделанные исследователями допущения приводят к тому, что погрешность подсчета получается совершенно непомерной – плюс-минус сотни тысяч человек. Это вполне сопоставимо с общим количеством бойцов враждующих сторон, дравшихся на фронте в тот или иной момент войны. Состояние источников есть состояние источников – и выше него исследователю не прыгнуть.

А вот в случае с Великой Отечественной войной Соколов применяет собственную методику исчисления потерь – и получает итоговые цифры сам.

Скажут: а зачем? Есть же знаменитый «Гриф секретности снят» (далее мы будем именовать его просто «Гриф») – вышедшее еще в 1993-м официальное издание Министерства обороны РФ, где выведена ставшая уже хрестоматийно известной цифра безвозвратных потерь советских вооруженных сил во Второй мировой войне (то есть в Великой Отечественной и в войне с Японией в августе–сентябре 1945-го): 8 668 400 военнослужащих (из них в Великой Отечественной – 8 656 400)³.

К сожалению, это цифра *сфальсифицированная, приуменьшенная*.

Приходится признать правдивыми частные заявления (одно из которых приводит на с. 134 Соколов, а другое автор этой рецензии услышал 31 мая 1996 года, после прочтения им в Московском архитектурном институте лекции о Великой Отечественной от первокурсницы – дочери одной из составительниц), согласно которым составители «Грифа» сознательно, по указке сверху, приуменьшили советские потери. Приуменьшили, дабы поддержать престиж советских вооруженных сил – наследницей которых считаются вооруженные силы России. Ведь частные заявления подтверждаются целым рядом элементарных проверок цифр потерь в той или иной операции Великой Отечественной – проверок, осуществленных в 1990–2000-х самим Соколовым, Андреем и Ларисой Мерцаловыми, Львом Лопуховским, Вячеславом Красиковым⁴.

Вот, например, оборонительная операция Центрального фронта на северном фазе Курской дуги 5–11 июля 1943 года.

3 Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 129, 132.

4 Соколов Б.В. Сражение за Курск, Орел и Харьков. Стратегические намерения и результаты // Он же. Правда о Великой Отечественной войне (сборник статей). С. 144–148; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М., 1998. С. 391–392; Красилов В.А. Победы, которых не было. СПб., 2004. С. 162–174; Лопуховский Л.[Н.] Прохоровка без грифа секретности. М., 2005. С. 508–525; Он же. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2007. С. 537–554.

По данным «Грифа», к ее началу на фронте насчитывались около 738 000 человек; убитыми и пропавшими без вести были потеряны 15 336, а ранеными и больными – 18 561. Казалось бы, к 12 июля, к началу Орловской наступательной операции, в войсках фронта должно было остаться около 704 000 человек (состав фронта за эти дни практически не изменился). Ан, нет! Согласно «Грифу» – лишь около 645 000 (с. 134–135). Выходит, «Гриф» приуменьшает потери примерно на 59 000 человек – втрое!

То, что это не частный случай, а тенденция, подтверждается неоднократно. Так, «грифовские» данные о потерях 1-й и 2-й армий Войска Польского, участвовавших в марте–апреле 1945-го в Восточно-Померанской и Берлинской операциях, оказываются в 3,2–3,9 раза меньше официальных польских данных (с. 140). И так всякий раз – где ни копни.

Поскольку Соколов не в состоянии сделать то, что под силу лишь десяткам человек в течение многих лет – перелопатить в одиночку колоссальные массивы документов ЦАМО РФ, – он использовал расчетный способ определения потерь. Тем более, что в российских архивах – по названным выше причинам – «нет такого корпуса документов о потерях Красной армии, особенно безвозвратных, которые позволили бы их скольконибудь точно подсчитать» (с. 214).

В основу расчетов были положены данные о безвозвратных потерях Красной армии в 1942 году, полученные в результате архивных изысканий генерал-полковником Дмитрием Волкогоновым (они вдвое больше цифры «Грифа»), и данные о динамике количества пораженных в боях за всю войну, опубликованные еще в советское время бывшим начальником Главного Военно-санитарного управления Красной армии Ефимом Смирновым (и те и другие – с разбивкой по месяцам).

Ухватившись за это звено, исследователь и вытянул всю цепь. Приняв, что из данных Волкогонова менее всего страдают от недоучета потерь данные за ноябрь 1942-го (когда почти не было затрудняющего учет быстрого перемещения массы войск и штабов), и зная, что количество пораженных в боях в этом месяце составило 83% среднемесячного уровня за войну, он получил, что 1% указанного уровня – это примерно 5000 убитых и умерших от ран. А экстраполировав это соотношение на всю войну – что потери Красной армии убитыми и умершими от ран составили 22,9 миллиона человек (с. 160). Прибавив к ним 4 миллиона военнослужащих, погибших в плену (эта цифра основана на данных противника о числе захваченных пленных и на советских данных о числе вернувшихся и не пожелавших вернуться из плена), исследователь получает *итоговую цифру погибших в Великой Оте-*

чественной войне советских военнослужащих – 26,9 миллиона человек⁵ (с. 173).

Разумеется, выведенная расчетным способом цифра не может не внушать сомнений. Однако она подтверждается проверками – причем осуществленными различными способами.

Вот один из них. 26,9 миллиона – это 13,7% населения СССР в 1940 году. И практически такой же процент (соответственно 13,2% и 13,5%) населения потеряли на войне Кимрский район Калининской области (вместе с городом Кимры) и три района Вологодской области. Это явствует из изданной в 2010-х в регионах «Книг памяти», где поименно учтены все погибшие земляки, и из проанализированной вологодским исследователем П. Шабановым статистики райвоенкоматов (с. 173–174, 182–183).

Другой способ. Как установил Игорь Ивлев, в военкоматы РСФСР были присланы примерно 12 041 800 извещений о погибших и пропавших без вести военнослужащих, но это лишь порядка 75% всех отправленных туда извещений. Зная долю населения РСФСР в населении СССР на 1 января 1941 года, приняв, что в других союзных республиках до военкоматов так же не дошли порядка 25% извещений, и вычтя тех, кто не стал возвращаться из плена в СССР, можно получить цифру погибших военнослужащих, практически неотличимую от 26,9 миллиона – 26,99 миллиона (с. 181–182).

Вот третий способ. Составители «Грифа» основывались на данных персонального учета погибших, а этих последних, как мы знаем, еще весной 1942-го на учете состояло не более трети. Так если умножить соответствующие данные «Грифа» на три, то опять-таки получится цифра, очень близкая к 26,9 миллиона – 27,99 миллиона (с. 175). Для цифр, полученных расчетным методом, разница просто ничтожная!

Четвертый способ – проверка по данным переписей населения. Учтя более десятка приводящих обстоятельств⁶, вычислив величину недоучета мужчин переписью 1939-го, Соколов определяет разницу между числом мужчин в возрасте 10–49 лет (то есть тех, кто в подавляющей своей части подпадал под мобилизацию в 1941–1945 годах), зафиксированным переписью 1939 года, и числом мужчин в возрасте 30–69 лет (то есть тех, кому в 1939-м было от 10 до 49), зафиксированным переписью 1959 года. В итоге получается от 26,1 до 26,7 мил-

5 Подчеркнем: так просто все получается лишь в нашем изложении. На обоснование методики, на учет всех тонкостей, всех приводящих обстоятельств, влияющих на подсчет, у автора каждый раз уходит по нескольку страниц.

6 От перемещений населения из-за изменения в 1939–1951 годах государственных границ до факта гибели десятков тысяч учтенных в 1939-м мужчин на Халхин-Голе и в финскую войну; от величины естественной смертности до того обстоятельства, что мусульмане склонны утаивать от чужих людей-переписчиков своих женщин.

лиона погибших в Великую Отечественную военнотружущих-мужчин (а ведь в армии служили и женщины; с. 215–230). Разница с 26,9 миллиона снова просто ничтожная.

Кроме того, положенные в основу подсчета данные Дмитрия Волкогонова и Ефима Смирнова вполне согласуются с данными «Грифа» о динамике численности Красной армии (без ВМФ) в годы войны – данными о числе находящихся в строю и на излечении в госпиталях (с. 192–200).

Об эффективности методик Соколова говорит, на наш взгляд, и совпадение цифр, полученных им и нами в *единственном* случае совпадения наших исследовательских задач. Препарируя данные Сергея Нелиповича, Соколов приходит к выводу, что в Восточно-Прусской операции 1914 года соотношение русских и германских потерь убитыми составило примерно 3,7–4 к 1 (с. 32). И именно таким (3,8–3,9 к 1) оно оказывается в изученных нами боях под восточнопрусским Хохенштейном 15(28) августа 1914 года, в которых частям русской 1-й пехотной дивизии противостояли части ландверной дивизии Гольца и 3-й резервной пехотной – не уступавшие русской дивизии (кадровой, но на 80% состоявшей из запасных) по качеству и (что нетипично для ландвера, но типично для операции в целом) имевшие преимущество в артиллерии⁷.

Критики цифры 26,9 миллиона любят указывать, что она не согласуется с данными о числе призванных в войну в советские вооруженные силы (по «Грифу» (с. 139–140), это 34 476 700 человек – около 11 500 000 из которых оставались в рядах вооруженных сил на момент окончания войны, 3 798 200 были демобилизованы по ранению или болезни, а 3 614 600 возвращены в народное хозяйство). Но Соколов убедительно доказывает – и это, без преувеличения, большое научное достижение – что цифра 34,5 миллиона сильно занижена. Это лишь цифра призванных «как положено» – через военкоматы, – а ведь практиковался еще и призыв непосредственно в части. В научный оборот введено уже множество фактов, когда сразу после освобождения советскими войсками той или иной местности командиры соединений и частей мобилизовывали (и сразу, даже не обмундировав и не занеся в списки части, бросали в бой) всех годных к службе мужчин из местных жителей или освобожденных военнопленных и остарбайтеров. Заслужено же Соколова является то, что он показал истинные масштабы такой практики – подсчитав (причем в том числе и на основе данных, по недосмотру опубликованных в «Грифе») общую цифру призванных непосредственно в части. Это от 10,1 до 11,8 миллиона чело-

АНДРЕЙ СМЕРНОВ

ТРУД, НЕ ИМЕЮЩИЙ
АНАЛОГОВ

7 Смирнов А.А. *Русская 1-я пехотная дивизия в сражении при Танненберге (август 1914 г.)* // *Русский сборник. Т. XXVI. Россия и война. Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга.* М., 2018. С. 472–473.

век (с. 184–186). Ни в каких официальных документах эти призванные не значатся, потому что их элементарно не успели туда занести. (Кроме того, в «Гриффе» явно недоучтена и часть тех, кого призвали через военкоматы, – мобилизованные в первые дни войны в республиках Прибалтики и Молдавии; с. 186–187.)

В итоге оказывается, что *общее число призванных в советские вооруженные силы в годы войны составляет отнюдь не около 34,5 миллиона, а от 41,9 до 43,1 миллиона человек* (с. 187). А это вполне согласуется с цифрой 26,9 миллиона погибших военнослужащих.

Именно недоучет числа призванных непосредственно в части, полагает Соколов, не позволил получить схожую цифру Игорю Ивлеву – по оценке которого, советских военнослужащих в войну погибло около 19,4 миллиона (хотя сказался и недоучет Ивлевым числа умерших от ран и болезней; с. 179).

Да, но тогда поистине астрономическим должно быть число советских раненых: ведь обычно оно соотносится с числом убитых как 3 к 1. Однако Соколов убедительно показывает, что в Красной армии это соотношение едва превышало 1 к 1 (с. 209–213). Дело в том – и тому сохранилось множество свидетельств фронтовиков, – что потери атакующих советских подразделений сплошь и рядом оказывались столь велики, что раненых просто некому было вынести с поля боя и они погибали от потери крови или (зимой) от переохлаждения, переходя, таким образом, в течение нескольких часов в категорию убитых и умерших от ран. Обоснование этого тезиса является, на наш взгляд, еще одним важным научным достижением Соколова.

Общие же потери СССР в Великой Отечественной войне (то есть потери погибшими и умершими от вызванных войной обстоятельств как военнослужащих, так и гражданского населения) исследователь – основываясь на анализе демографических данных и оценок – оценивает в *40,1–40,9 миллиона человек* (с. 234–235). Это практически не отличается (не забудем про большую погрешность измерения при использовании расчетного метода) от оценки Игоря Ивлева (около 42 миллионов) – которая в феврале 2017-го, после парламентских слушаний в Москве, «фактически приобрела полуофициальный статус» (с. 235).

Вполне убедительной выглядит и критика Соколовым современного германского историка Рюдигера Оверманса, попытавшегося увеличить классическую, выведенную Буркхартом Мюллер-Гиллебрандом цифру потерь вермахта погибшими во Второй мировой войне (4 миллиона человек) до примерно 5,3 миллиона (с. 264–271). Мало того, что сделанные Овермансом выборки из картотеки Германской службы розыска (*Deutschen Dienststelle*) недостаточно репрезентативны, отсутствие в этой

службе к концу 1950-х сведений о том, что те или иные бывшие военнослужащие вермахта живы, нельзя считать доказательством их гибели на войне (или в плену). Ведь отсутствие сведений об их судьбе обуславливалось тем, что они не дали после войны о себе знать родственникам, – а это в свою очередь могло вызываться самыми различными обстоятельствами: от эмиграции в США или Канаду до элементарной неразберихи, не позволившей найти родных (сменить в 1944–1946 годах место жительства вынуждены были около половины подданных «третьего рейха»).

Общие же потери Германии погибшими во Второй мировой Соколов оценивает (по германским, естественно, данным) в 6,3 миллиона человек (с. 274), а потери вермахта погибшими в войне против СССР (включая умерших в плену) – в 2,6 миллиона, что в 10,3 раза меньше, чем у советских вооруженных сил (с. 264, 275). Если же учесть еще и потери сражавшихся на советско-германском фронте армий союзников СССР (Румынии с сентября 1944-го, Болгарии с сентября 1944-го, Польши и Чехословакии) и союзников Германии (Финляндии, Венгрии, Румынии до сентября 1944-го, Италии и Словакии), то соотношение числа погибших на советско-германском фронте (включая умерших в плену) военнослужащих составит 9,3 к 1 (271 миллиона человек против 2,9 миллиона) в пользу Германии и ее союзников. А если попытаться вычленить те потери, которые советские вооруженные силы понесли в боях именно против германской армии, то примерно 10,6 к 1 в пользу вермахта (примерно 22,1 миллиона человек против 2,1 миллиона; с. 275–276).

Такое соотношение (разница – на порядок) кажется невероятным. Но в том, что оно было все-таки таким, убеждает значительная – и очень важная! – часть книги Бориса Соколова. В ней, на с. 281–374, собрана воедино масса добытых отечественными и зарубежными исследователями конкретных цифр потерь десятков конкретных советских и германских частей, соединений и объединений в десятках конкретных боев и операций Великой Отечественной за десятки тех или иных конкретных временных промежутков. Другой такой сводки в литературе нет. Для исследователя боевых действий на фронтах Великой Отечественной она является просто неоценимым подспорьем.

В этой сводке мы видим одно и то же – многократное превышение потерь советских войск над противостоящими им германскими. Тут есть даже случаи, когда всего одна советская дивизия (например 323-я стрелковая 17–19 декабря 1941 года в Тульской области) теряла за день почти столько же, сколько весь вермахт на советско-германском фронте, – то есть больше, чем 150 его дивизий (с. 281–282). Когда один полк (например 1-й ударный коммунистический 9 ноября 1941 года у Невской Дубровки под

Ленинградом) за день терял больше людей, чем целая германская армия (осаждавшая Ленинград 18-я) за десять дней (с. 284). Не столь астрономическое, но все равно многократное превышение советских потерь над германскими имело место и в боях 1944–1945 годов (например в Дебреценской операции в октябре 1944-го и в Балатонском сражении в марте 1945-го).

Причины такого соотношения потерь требуют специального исследования, но представляются ценными соображения, высказанные Соколовым в рецензируемой нами книге. Коренная, глубинная причина – это «особенности сталинского тоталитаризма, разрушившего армию как эффективный инструмент ведения войны» (с. 389). Мнение исследователя о том, что Сталин «предпочитал побеждать не умением, а большой кровью, поскольку в создании высокопрофессиональной армии видел потенциальную угрозу режиму» (там же), еще можно оспаривать. Но то, что на протяжении всей войны Красную армию губила недостаточная обученность ее личного состава, подтверждено в последние тридцать лет тысячами фактов. А подготовке командного состава мешало еще и вычлененное Соколовым обстоятельство:

«Коренной порок коммунистической тоталитарной системы, лишившей людей способности самостоятельно принимать решения и действовать, приучившей всех, в том числе и военных, действовать по шаблону, избегать даже разумного риска и больше, чем противника, бояться ответственности перед своими вышестоящими инстанциями» (с. 382)⁸.

Помимо цифр советских потерь в Великой Отечественной войне, уникальны данные Соколова о потерях российских военных в конфликтах постсоветского времени – в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Чечне, Грузии, Сирии, Донбассе, – полученные исследователем в результате обработки сообщений официальных и независимых СМИ, журналистских расследований, демографических данных и мемуарных источников. Подобной сводки опять-таки не найти больше нигде.

Из недостатков отметим поверхностный, на наш взгляд, анализ боевой подготовки русской армии в войне с Японией 1904–1905 годов. Утверждать, что она была подготовлена хуже японской, на основании одного лишь рассказа итальянского корреспондента (хотя случаи использования описанной им

8 На тот же результат, добавим, работал и другой порок большевистской системы, связанный с первым и характерный для 1920-х – первой половины 1930-х: подбор командных кадров не по профессиональным, а по политическим соображениям. Эти кадры стремились подбирать из слоев, считавшихся наиболее лояльными власти – рабочих и крестьян. Но выходцы из этих слоев отличались низким уровнем общего образования – а, как известно, «тактические грамотные командиры – это на 99% люди с хорошим общим развитием и широким кругозором; исключения единичны» (Российский государственный военный архив. Ф. 31 983. Оп. 2. Д. 182. Л. 79).

отсталой для начала XX века тактики действительно имели место) нельзя. Это отдельная исследовательская проблема, она далеко не проста и имеет довольно обширную литературу.

Стоило бы привести данные о советских потерях в пограничных инцидентах 1930-х (кроме разобранных в книге конфликта на озере Хасан). Они уже давно подсчитаны по первоисточникам. Вот лишь столкновения с войсками Японии и Маньчжоу-Го в Приморье в 1936–1937 годах: в бою у заставы Хунчун 25 марта 1936 года подразделения Красной армии и погранвойск НКВД потеряли 5 человек убитыми и 10 ранеными, в перестрелке у деревни Пакшекори 11 октября 1936 года – 2 ранеными, в боях за Павлову сопку (у заставы Турий Рог) 26–27 ноября 1936 года – как минимум 5 убитыми и умершими от ран, как минимум 5 ранеными, 4 замерзшими и 199 обмороженными; в боях за высоту Винокурка 5–6 июля 1937 года – 4 убитыми и 6 ранеными⁹. В сумме уже это гораздо больше, чем, скажем, при вторжении в 1968-м в Чехословакию, и уже поэтому заслуживает внимания. А была ведь и масса других инцидентов – освещенных, например, в монографии Александра Чугунова¹⁰.

Устарели приведенные Соколовым цифры потерь советской стороны погибшими в боях у озера Хасан в 1938 году (с. 123). Это не 960 (и даже не 1009) человек, а 1112 в одних только частях Красной армии (без погранвойск НКВД)¹¹.

Есть и ошибки редактирования. На с. 157 значит, что недоучет безвозвратных потерь Красной армии в Великую Отечественную войну «происходил прежде всего за счет офицерского и сержантского состава» (в действительности – как правильно указано на с. 176 – за счет рядового и сержантского). На с. 298 перепутаны знаки: в действительности 3-я танковая армия немцев 11–20 августа 1943 года в ходе операции «Суворов» потеряла людей в 5,1 раза меньше (а не больше), чем три советские дивизии и танковый полк 43-й армии.

К сожалению, приходится отметить вопиюще плохой подбор шрифтов. Серьезных, да еще и изобилующих цифрами и подсчетами книг таким шрифтом печатать категорически нельзя! Он невероятно затрудняет восприятие даже компетентному и предельно заинтересованному читателю. Для лучшего восприятия сложного текста неплохо было бы также разбить его на большее количество абзацев.

А в целом – аналогов (и по широте охвата, и по качеству) труда Бориса Соколова нет и в ближайшем будущем не предвидится.

АНДРЕЙ СМЕРНОВ

ТРУД, НЕ ИМЕЮЩИЙ
АНАЛОГОВ

9 Смирнов А.А. *Боевая выучка Красной Армии накануне репрессий 1937–1938 гг. (1935 – первая половина 1937 года)*. М., 2013. Т. 1. С. 91, 93, 94, 96–97, 99.

10 Чугунов А.И. *Граница накануне войны. 1939 – 22 июня 1941*. М., 1985.

11 Смирнов А.А. *Крах 1941 года – репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную армию?* М., 2011. С. 140–141.